

СЛОВО О ЯШИНЕ

Когда говорят о творческом пути замечательного поэта и прозаика Александра Яшина, упоминают главные отправные данные его биографии. Напомним о них и мы. Родился он в глубине Вологодской области в деревенской избе. Крестьянские поля, ранние работы на этих полях, глухие леса с их изобилием зверя, ягод, грибов — вот первые его впечатления. Он застал еще, конечно, и вологодские обряды в их полной неторопливой гармонии, одежду, песни, деревянную резьбу, хороводы, свадьбы... А вологодский говорок Александр Яковлевич сохранил до последнего дня.

Внешне все как будто легко и просто. Вот он пишет ученические стихи, которые печатаются в районной газете и в журнале «Колхозник», вот он учится в педтехникуме, учителствует в сельской школе, избирается председателем вологодской писательской группы. Дальше — Литературный институт в Москве, потом война и Ленинградский фронт. Издаются книги, пишутся стихи и поэмы, присуждается Государственная премия, появляется прекрасная яшипская проза. Творчество Яшина привлекает к себе все более широкое и глубокое внимание, о нем пишут и спорят.

На самом же деле литературная дорога Яшипа была отнюдь не так проста и не так ровна. Ее никаким образом нельзя было бы изобразить, если бы вздумалось, горизонтальной линией. Она все время шла круто вверх. Собст-

вещно говоря, я не знаю в истории советской литературы, а если посмотреть шире — то и в истории русской литературы вообще, другого примера, когда мастерство писателя, глубина его произведений, острота их, значительность нарастают бы так наглядно, а главное — в таком писательском возрасте. Обычно к пятидесяти годам графическая линия творческого пути писателя, а тем более поэта, именно выравнивается, приближаясь к горизонтали, если не имеет тенденции идти под уклон. К пятидесяти годам главное — нужно считать — сделано, хотя могут появляться новые книги, утяжеляющие общий писательский баланс. Но уже не многое изменится в лице писателя, которое сложилось и устоялось за предыдущую половину века.

У Яшина было все не так. Он как будто бы только начал раскрываться. И мы, знавшие все, что им написано, тем не менее поражались каждому новому его произведению как открытию, и каждое новое открытие было удивительнее и прекраснее прежнего.

В самом деле, разве можно сейчас представить себе Яшина без повести «Сирота», написанной уже в 1961 году, то есть в сорокавосемилетнем возрасте, без «Вологодской свадьбы», написанной еще годом позже, без очаровательного рассказа «Угощаю рябиной», датированного 1965 годом. Свою новую повесть под названием «Баба-Яга», которая, по всему судя, была бы лучше и значительнее прежних, предыдущих, Яшин так и не успел дописать. Именно ради нее он и умолял профессоров:

— Сделайте что-нибудь, дайте еще три месяца, продлите, сделайте чудо, потом готов умереть. Три месяца, чтобы дописать «Бабу-Ягу»...

Отсрочки Яшин не получил.

Или возьмем его поэзию, его стихотворные сборники. Сборник «Бессонница» (1955—1958) глубже и просто лучше предыдущего сборника «Романтики»; книга «Совесть» (1959—1961) так же соотносится с книгой «Бессонница»; книга «Боснком по земле» (1962—1967) — с книгой «Совесть»; книга «День творения» (1965—1968) — с книгой «Боснком по земле».

Это не значит, конечно, что каждая последующая книга зачеркивала предыдущую. В любой из этих книг содержатся стихи, которые образуют лицо Яшина-поэта и входят в золотой фонд советской русской поэзии.

Дело в том, что Яшин шел не просто от книги к книге, он шел к глубине, к социальной остроте, человечности, к правде, к все более серьезному осмыслению окружающего его мира.

Знаменательно меняются даже названия книг. Сравним названия книг, так сказать, первой половины его биографии: «Песни Северу», «Северянка», «Земля богатырей», «Земляки», «Алепа Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и названия книг его наиболее зрелого периода: «Бессонница», «Совесть», «Босиком по земле», «День творения».

Теперь после названий книг возьмем для наглядности некоторые строфы:

...У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

...У ворот в цветах и лентах лошадь,
Заждались ребята за избой.
Ты возьми гармонику, Алеша,
Ту, что с зеркалами и резьбой.

...Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду,
В жизнь свою так парии не плясали,
Как плясали в пынешнем году.

Таково было лирическое начало Яшина, такова была его лирическая записка в середине тридцатых годов. А теперь возьмем:

...В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть —
Отечество,
Верность,
Братство,
А есть еще — совесть, честь.
Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова...

...Я много писал про охоту,
Рассказывал, больше того,
Про зорьки в лесах и болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
 И совесть велит:
 Не таи,
 Держи ответ на пароде
 За все прегрешенья свои.
 ...Нередко правдой поступался,
 Не сделал все, что сделать мог,
 И обижал,
 И обижался,
 Помочь хотел, а не помог.
 Дурным поступкам нет забвенья,
 Да и прощенья нет,
 Когда
 Их судишь сам без снисхожденья,—
 На свете горше нет суда.

...Тревожно п грозно,
 Тем боле что поздно,
 И мой наступил
 Переходный возраст,
 Не слабым слыву,
 А в голос реву,
 Туда ли плыву,
 Так ли живу?

...Я как будто родился заново,
 Легче дышится, не солгу.
 Ни себя, ни других обманывать
 Никогда уже не смогу.
 Ни к безветрию, ни к сомнению
 Не причастна душа моя,
 Просто стало острее зрение,
 Повзрослело мое поколение,
 Вместе с ним повзрослел и я.

От всех этих раздумий необратимо далеко до залив-
 ватских плясок парней под гармонь, разукрашенную зер-
 калами. Теперь — проблемы справедливости, добра и зла,
 человечности, искренности, гражданского мужества, долга
 перед пародом наполняют зрелые стихи Яшина.

Вопрос эволюции яшинского творчества в сторону истинной
 гражданственности, истинной гуманности, истинной
 партийности ждет еще исследования.

У нас принято говорить об умершем писателе, что он
 умер в расцвете творческих сил. Часто эта фраза — стерео-
 типный долг вежливости. Но Яшин действительно умер
 в расцвете творческих сил, более того, я бы сказал, что он
 был, пользуясь охотничьим термином, сбит влет. Его
 сбила болезнь, коварная и до сих пор не разгаданная ме-
 дициной.

Яшин был жизнелюбом. Он любил охоту, рыбную ловлю, просто землю. Но он был и великий труженик. У него под стеклом на рабочем столе лежала бумажка. Думаю, что она лежит там до сих пор. На ней в шутливой форме было написано:

МОЛИТВА
(утренняя)

Господи, помоги мне написать еще одно стихотворение!

Вспомним, что именно ради работы он и просил у профессоров отсрочку на три месяца. Уместно вспомнить и литературное завещание Яшина:

«Дорогие друзья!

Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю — трудная. Делать ее будет «сам Блохин», директор института, в котором я сейчас нахожусь. Академик. Конечно, я рассчитываю жить и работать вместе с вами еще долго, но это не исключает особой обостренности сегодняшних моих чувств и мыслей о нашем общем деле...

Оглядываясь назад, я думаю о том, что мы неправоммерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всяческие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития, о традициях и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего сможет достичь... Дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы еще на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга

к разного рода утехам, к «клубному шмыганью» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью.

...Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется... Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее — правдивее настолько, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной.

Ваш Александр Яшин».

Пройдут еще многие годы. Но можно ручаться: поэзия Яшина не потускнеет. Ее лучшие драгоценные крупинки не упесет течением времени. Ее заинтересованность, ее правда, ее любовь и боль будут близки людям и тогда, потому что в своем творчестве Александр Яшин пришел к той большой правде, к той большой любви и к той большой боли, без которых человек не может быть человеком.